

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159

УДК 94(57)

ТЮРКСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И СИБИРСКОГО ХАНСТВА КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XVI–XVII вв.

Чернышов Сергей Андреевич,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник сектора археографии и источниковедения

Института истории СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;

начальник управления дополнительного образования

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56

ORCID: 0000-0003-3885-7125

1502911@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено выявлению родовых свойств высшей политической власти и форм ее взаимодействия с региональными элитами в тюркском мире в контексте преемственности с политической традицией Золотой Орды и ее осколков – Сибирского ханства и Русского государства. Выявлено несколько характерных черт социально-политической организации тюркской государственности. Первая – «порядок ради торговли», т. е. ситуация, при которой государственность формируется вокруг экономической идеи, по отношению к Тюркскому каганату – вокруг идеи обеспечения стабильного функционирования торгового пути с Востока на Запад. Вторая – «политическое впереди этнического»: в тюркском мире этносы складываются после формирования политических объединений. Третья – государственность как власть не над территорией, а над людьми.

Предложенная в статье постановка проблемы власти снимает целый ряд традиционных «проблемных вопросов» описания тюркских государств – от вопроса границ до проблемы применимости по отношению к ним формационной теории и понятия «феодализм». Из этого следует четвертая особенность тюркской государственности – максимальная отдаленность центральной власти от «земли», власть верховного правителя как власть не над

государством «в целом», а над региональными элитами. С одной стороны, это создает известный ореол сакральности верховной власти, с другой – делает ее крайне нестабильной, обязывающей к постоянному поиску компромиссов с местными правителями.

На этом фоне особую роль играют «низовые» социальные структуры, отличающиеся стабильностью на фоне меняющихся верховных правителей. Последнее обстоятельство определило относительную простоту интеграции Сибирского ханства в Русское государство: новая власть просто «перевела» на себя аборигенные податные единицы (волости). Русские не предложили западносибирским аборигенам ничего принципиально нового: поскольку государственность в Московском царстве и Сибирском ханстве строилась на одних и тех же принципах, новая власть фактически не занималась здесь строительством политических институтов, используя уже существующую систему отношений.

Ключевые слова: государственность, региональные элиты, присоединение Сибири, Сибирское ханство, тюрки.

Библиографическое описание для цитирования:

Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 139–159. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159.

Тюркский каганат – одно из первых известных нам государств Центральной и Северной Евразии, предопределившее ход истории этой территории на столетия вперед. Каганат был образован в середине VI в. нашей эры, и росту его могущества способствовала благоприятная для этого объединения международная обстановка. На западе шло противостояние Ирана и Византии, на востоке – смуты в Китае; «всё это отвлекло внимание от роста молодого государства» [22, с. 142].

Ключевым фактором, способствовавшим трансконтинентальному успеху образующегося государства, стала торговля. Как позже Рюрик и его соратники были призваны стать равноудаленными медиаторами Волжско-Балтийского пути [13, с. 292–293], так и тюрки стремились контролировать средне- и центральноазиатский участок «Великого шелкового пути», став внешнеторговыми монополистами для европейских государств и Китая [14, с. 95], что давало возможность диктовать политическую волю «обслуживаемым» соседям. Тюркский каганат, таким образом, одно из первых известных нам государств, созданных во многом для обеспечения стабильного функционирования крупного торгового пути. Позже на этой же территории такую модель реализуют Чингисхан и его потомки, создавшие свою империю фактически в том же экономико-географическом ареале, что и тюрки. Вкратце эту модель можно охарактеризовать как «порядок ради торговли» [25, с. 29].

Из этого важного свойства Тюркского каганата возникла модель социально-политического взаимодействия, при которой государственность формируется в процессе генезиса собственных институтов и институтов соседей и включенных в каганат народов в результате переосмысления и переработки их государственного опыта. Так, например, от китайских государств тюрки «унаследовали двадцативосьмиклассную бюрократическую систему» [12, с. 106] (создатель Второго Тюркского каганата Тоньюк воспитывался в Поднебесной). Тюрки также восприняли государственные традиции более ранних центральноазиатских объединений, в том числе скифов и хунну. Фактически тюрки создают в Евразии огромное пространство для коммуникаций между народами, что приводит к обоюдному заимствованию культурных и политических традиций.

Вопрос об особенностях этих политических традиций, их хозяйственной и социальной основах остается открытым. Следует согласиться с мнением исследователей о том, что «вопрос даже не в содержании, формах и стадийной принадлежности политической организации, речь идет вообще об отсутствии постановки проблемы» [2, с. 205] (за исключением попыток соотнесения складывающихся в тюркском мире социально-политических объединений с дефинициями и институтами, формулируемыми в рамках формационной теории). В этом смысле дефиниции политического строя тюркского мира, Монгольской империи и иных политических объединений Северной Евразии, Центральной и Средней Азии составляют отдельную исследовательскую проблему. Поэтому важно наметить некоторые системные тенденции социально-политического взаимодействия тюркской государственности с другими традициями.

Прежде всего такой тенденцией следует считать складывание политических образований быстрее, чем протекал процесс формирования этнической общности проживающих в них народов. Фактически в тюркской государственной традиции политическое идет впереди этнического (определение С.А. Васютина [8, с. 24]) и формирует квазиэтническую общность. Мысль о том, что «тюрк» – понятие «не в полной мере этническое», а скорее политическое, впервые высказал В.В. Бартольд. Затем С.П. Толстов показал семантическую революцию этого слова от значения «возрастной класс молодых неженатых воинов (тюркон) к понятию “войско”, “племенная аристократия” и, наконец, к значению собирательного имени для народов, вошедших в это племенное объединение» [22, с. 140]. Позднее аналогичный процесс мы увидим в Сибирском ханстве, в котором «процессы государствообразования» опередили «сложение реального этнического единства» [39, с. 6]. Более того, по мнению С.Ф. Татаурова, именно политические процессы определили характер этногенеза сибирских татар: «это государственно-идеологическое единение (Сибирское ханство. – С.Ч.) ста-

ло одним из слагающих факторов в формировании этнического объединения – сибирских татар» [32, с. 75].

Отдельной исследовательской проблемой является определение архитектуры политической власти в тюркской государственной традиции. В советской исторической науке государственный строй Тюркского каганата пытались описать в рамках формационной теории как раннефеодальное государство: «Верховным собственником всех приобретенных земель был каган. В качестве сюзерена он жаловал земли с прикрепленными к ним людьми (урус) за службы в ленное владение своим сподвижникам, которые имели по отношению к нему ряд обязательств и в мирное, и в военное время» [11, с. 572].

Более приемлемой представляется позиция, согласно которой по сложившейся в Центральной Азии традиции каган (хакан) – это верховный правитель, которому «всего лишь» подчинялись другие властители [30, с. 135]. Эту же традицию мы видим в каганатах-преемниках. Например, Западный тюркский каганат в начале VII в. представлял собой «федерацию десяти тюркских племен, и каждая часть страны (западная и восточная. – С.Ч.) имела собственного князя» [22, с. 144]. Такое деление произвел Таспар-каган в 575 г., назначив для управления восточными и западными областями державы двух малых каганов [14, с. 87]. Верховная власть таким образом «отрывается от земли», что дает пространство для маневра и соблюдения баланса сил между отдельными правителями. Это следует признать второй важной тенденцией тюркской государственной традиции: власть здесь рассматривается не как управление территорией, а как управление улусом – народом, данным во владение [35, с. 43].

Это существенно отличает тюркскую государственность от западной. «Если на Западе короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, то у кочевников же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями» [18, с. 174]. Понятна и ментальная посылка такого устройства власти для обычных жителей улуса: «Властвуют над людьми, а на земле живут» [38, с. 67]. Сравним с описанием «низовых» сообществ XVII в. в Западной Сибири и на Урале: «Основой формирования и существования ясачной волости служила не территория, а податное население. Соответственно, территория была вторична, а первичным, как это ранее было для кочевых обществ, – население, которое могло достаточно легко перемещаться» [28, с. 59]. Как видно, социально-политическая традиция тюркского мира сохранялась практически в неизменном виде не менее тысячи лет и наложила существенный отпечаток на развивающиеся государственные образования.

Очевидно, что при отсутствии частной собственности на землю (в силу ментальных ограничений и особенностей ведения хозяйства нома-

дов) классического «феодализма» («феод» – земельный надел), при котором властитель является верховным собственником земли, жалующим за служение право пользования земельными наделами, здесь не было. Некой заменой привычному для Европы институту может служить понятие «племенной территории», которое означает достаточно условную, подвижную совокупность пастбищ, на которых «племя пасло свои стада в данное время» [27, с. 59].

Представляется, что эту проблему можно решить двумя способами. Первый формулирует в своем исследовании Е.М. Залкинд. Признавая, что «узурпация земли классом феодалов прослеживается здесь не столь отчетливо» [18, с. 168], автор полагает, что субъектом эксплуатации является зажиточный общинник, «не располагающий в своем хозяйстве достаточными трудовыми ресурсами и восполняющий этот недостаток эксплуатацией в этой старинной форме», который «был никем иным, как феодалом, ибо именно последний является получателем феодальной ренты, независимо от ее формы» [Там же, с. 182].

Второй способ интерпретации наличествующих социально-политических отношений в привычных нам дефинициях предлагает казахский исследователь Ж.О. Артыбеков. Он делает акцент не на экономическом, а на социальном аспекте функционирования общества. Крепкие социальные и генеалогические связи – основа для стабильной социальной коммуникации в условиях больших территорий и низкой плотности населения, а потому «главное отличие [от социальной структуры Запада. – С.Ч.] состоит в том, что социальные связи внутри общества не детерминированы экономическими отношениями, скорее они напоминают концентрические круги расположения, контуры которых обусловлены сословными и генеалогическими отношениями» [2, с. 214]. В свою очередь, в силу стойкости «низовых» социальных объединений «в социальном плане [такое общество. – С.Ч.] представляет целостную систему, единый живой организм, политические же границы внутри этого мира достаточно условны» [Там же, с. 214].

Оба обозначенных подхода, которые условно можно назвать «экономическим» и «социальным», приводят к схожим выводам: специфика государственной жизни тюркских каганатов и последующих государственных образований на рассматриваемой территории состоит в стабильности «низовых» (община, род и т. п.) социально-политических институтов. По мере усиления локальных социально-экономических и политических институтов верховные институты ослабевают, что ведет к состоянию общества, известному как «феодальная раздробленность». Это явление на примере Уйгурского каганата исследует С.А. Васютин, констатируя, что «трансформация власти в таких сообществах могла достигать раннегосударственного статуса, но это вело к обострению противоречий между разными группами

элиты, прежде всего из-за ограниченности ресурсов в степи, и краху имперских структур под воздействием как экзогенных, так и эндогенных факторов» [8, с. 24]. Сильные «низовые» социально-политические институты в условиях нестабильных имперских построений, таким образом, следует выделить как еще одну тенденцию тюркской государственной традиции.

Из всех перечисленных свойств социально-политических отношений неизбежно вытекает нестабильность как верховной власти, так и всех «имперских» политических институтов формирующейся государственности. Ограниченность функций верховного управления, меньшая централизация рассматриваемых общностей приводит к «отсутствию эффективных средств предотвращения распада» [9, с. 24]. Сильные «низовые» звенья фактически породили усиливавшуюся нестабильность верховной власти. Очень точно это обстоятельство выразил Л.Н. Гумилев: «Покорность в степи – понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тысяч кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели. В противном случае можно лишиться и подданных, и головы» [16, с. 24].

Таким образом, региональная элита оставалась верна верховному правителю лишь в случае успешности его правления (как правило, выражающегося в активной военной экспансии), «в противном случае часто покидала его» [3, с. 83]. Постепенно эта реальность находит свое воплощение в ритуалах, которые мы наблюдаем в тюркских каганатах, империи Чингисхана и ее осколках. Так, в описании ритуала возведения на престол одного из сыновей Угэдэя Плато Карпини излагает условия, которые выдвигает новому государю военно-административная элита. «Татарские начальники усадили этого хана на кусок войлока и сказали ему: “Уважай великих, будь деятелен и справедлив ко всем, иначе станешь таким жалким, что у тебя не будет даже войлока, на котором ты сидишь”» (цит. по [18, с. 180]).

Верховная власть в тюркской государственной традиции постоянно пытается выстроить систему, препятствующую обособлению региональных элит. Так, в империи Чингисхана на территории одного правителя всегда имелось какое-то имущество другого правителя, а границы улусов в XIII в. подвергались постоянному пересмотру [35, с. 33]. Это должно было служить формированию системы сдержек и противовесов между отдельными правителями, а в конечном счете – укреплению единства государства. Однако уже после смерти Чингисхана в его империи начались центробежные тенденции: его наследники «стали рассматривать свои владения как полунезависимые» [17, с. 8]. В результате на территории, подвластной монголам, стал складываться типичный для Центральной Азии политический строй: во главе государства стоял хан (каган), имевший собственный центральный улус и державший в подчинении правителей рангом ниже со своими собственными улусами. А потомки Чингисхана постепен-

но эволюционировали из «заместителей хана на определенной территории» [9, с. 128] в полноценных региональных властителей. Этому способствовало и падение роли единых торговых путей, как следствие – развитие локальной экономики в каждом улусе [7, с. 101].

Опять-таки это находит отражение и в ритуальной жизни. Так, в империи Чингисхана и его потомков в XIII в. курултай продолжают проводиться, однако их первоначальный смысл выхолащивается: уже в этот период «остается лишь скрытая мотивация [курултаев]: непосредственный, личный контакт верховного правителя со своими наместниками из отдаленных областей для подтверждения последними лояльности верховной власти» [40, с. 28]. Однако постепенно и этот обычай сходит на нет. Уже с XIV в. упоминания о курултае как органе, принимающем стратегические решения в Золотой Орде, фактически отсутствуют. С этого времени «дела государства решает не съезд родичей, а хан с его административным аппаратом. Укрепляются единая династическая линия и принцип наследования от отца к сыну. Власть от Узбека переходит прямо к его сыну Джанибеку, а от того – с Бирдибеку» [35, с. 104]. На территории единой империи начинают появляться региональные ханства. Все эти образования проходят три основных этапа: периферийный удел во главе с наместником, сепаратистская область со знатью, претендующей на ханское достоинство, наконец, обособленное государство, подчиняющееся центру лишь формально [33, с. 287]. Нестабильность верховной власти на фоне сильных «низовых» социально-политических институтов следует считать еще одной, четвертой важной тенденцией тюркской государственной традиции.

Просуществовав по историческим меркам относительно недолго, тюркские каганаты критическим образом повлияли на формирование государственной традиции народов Центральной и Северной Евразии, воспринятой многими объединениями от Волги до Забайкалья. Прежде всего на вновь образованные государства переносилась титулатура – во многом в силу бывшего международного влияния и престижа тюркских каганатов [Там же, с. 286]. Но за внешними атрибутами стояла и реальная преемственность политического устройства. Возьмем, например, отдаленное от политического центра тюркского каганата государство Волго-Камской Булгарии. Верховная власть в этом государстве состояла из верховного царя и четырех царей (совещательный орган). Кроме царей были предводители – знать, «облеченная полномочиями представителей центральной власти на местах. Этот слой людей соответствует старшей дружине у русских князей» [24, с. 7]. При этом кочевые правители, подвластные Булгарскому государству, сохраняли за собой собственные правовые нормы, верования и обычаи и даже обособленную военную организацию. Кстати, Булгария – один из первых известных нам примеров в тюркоязычном

мире, когда конфедеративное по своей сути объединение волей правителя дрейфует в сторону классической федерации, где большая часть полномочий постепенно передается центральной власти. Так, в конце X в. верховный царь болгар Алмуш начал реформу государства с принятия единой религии – ислама, в результате чего был существенно снижен уровень внутригосударственных конфликтов между отдельными частями страны [1, с. 11]. Впоследствии эта же техника будет применена в русских княжествах, в монгольском государстве Чингисхана, в Сибирском ханстве Кучума и других политических объединениях.

Несомненным политическим преемником тюрков является империя Чингисхана. До него на территории будущего центра Монгольской державы существовали разрозненные локальные объединения. К 1206 г., когда на курултае Темучин был объявлен Чингисханом, эта территория не отличалась существенным внутренним единством. Но с этого времени власть Чингисхана начинает приобретать характерные атрибуты. Титул «каган» («хан»), который Темучин взял для себя, явно отсылал к тюркскому миру [9, с. 103]. Он использовался начиная по меньшей мере с VII–VIII вв. хазарами, в IX в. – дунайскими булгарами, затем – осколками империи тюрков. По мнению Г.В. Вернадского, этим Чингисхан эксплуатировал идею божественного источника имперской власти, которая имела истоки не только в тюркском, но и в едином индоевропейском евразийском культурном ареале [Там же, с. 105].

Оставляя в стороне военные действия Чингисхана, остановимся на его политических преобразованиях. Во многом империя Чингисхана стала интегратором существующих к тому времени политических традиций покоряемых и соседних народов. Так, в основу экономического благополучия государства легла система торгового обмена между различными территориями империи, которую де-факто контролировали мусульманские купцы. «В их руках даже находилась торговля между Китаем и Монголией. Интересы Чингиз-хана в этом случае вполне совпадали с интересами мусульманских капиталистов», – отмечает В.В. Бартольд. Контроль за торговыми путями в дальнейшем был дополнен новой системой налогообложения, созданной на основе существовавшей в захваченном исламском Мавераннахре, под контролем одного из местных торговцев – Махмуда Ялавача [Там же, с. 48]. Первыми чиновниками Монгольской империи были уйгуры. С этим тюркским народом связывают и возникновение собственной письменности монголов. После завоевания Цзиньского Китая многие принципы его политического устройства стали использоваться монгольской администрацией.

Аналогично тюркскому опыту шли и процессы формирования этнической и политической общности монголов. Как термин «тюрк» являлся,

по крайней мере на первых порах, не этническим, а политическим, так и слово «монгол», по свидетельству В.В. Бартольда, «при Чингиз-хане было только официальным термином, совершенно не известным самому народу» [4, с. 447]. Политический гений Чингисхана проявился в интеграции всех описанных явлений на основе понятной экономической модели. Интеграция выстраивается в том числе и посредством сложной системы ритуалов, которая объединяет и как бы уравнивает в правах мусульманских торговцев, китайских чиновников, монгольских военачальников и правителей присоединяемых земель. Характерный эпизод описан в Галицко-Волынской летописи: князь Даниил принимает из рук хана Батые (Бату) чашу с кумысом и ковш вина. Это «говорит о включении князя Даниила в систему монгольской иерархии, где этническое происхождение не имело никакого значения, и монголом становился каждый, кто обретал место в социальной группе» [40, с. 9]. В этом смысле Монгольская империя развивается вполне в рамках тюркской политической традиции.

Предпосылки, которые следует считать достаточной основой если не для переноса, то для существенного влияния тюркской государственной традиции на Западную Сибирь, мы встречаем на протяжении, по меньшей мере, последних двух тысячелетий. Это связано прежде всего с природно-географическими особенностями континента и траекториями экономических связей. Западная Сибирь как территория, интегрированная в систему континентального взаимодействия на севере Евразии, в Центральной и Средней Азии, не могла не испытывать влияния хозяйственных, социальных и политических институтов, складывающихся на этих обширных территориях. Бурлящий социально-политический котел Великой Степи и сопредельных территорий, тюрко-монгольского мира в целом порождал специфические формы государственности, этнического и религиозного взаимодействия в складывающихся политических структурах. «Процессы государствообразования здесь часто опережали сложение реального этнического единства, поэтому аморфные, не достигшие высшей степени консолидации этносы, даже оформленные посредством государственных и конфессиональных стяжек, в решении политических задач будут подвержены постоянным колебаниям, поискам “пути”» [39, с. 6]. В силу этого дефиниции складывающихся политических институтов, формулирование закономерностей их функционирования и развития представляют собой многофакторную исследовательскую задачу. При этом «грань, разделявшая догосударственные формы правления и институты ранней государственности, в случае с кочевыми империями довольно нечеткая, можно сказать, размытая, особенно если учесть неустойчивость зарождающихся государственных институтов, обратимость управленческих практик» [8, с. 17].

Западная Сибирь на протяжении последних тысячелетий являлась местом активного междивизионального диалога. Главная причина – проходящая здесь граница двух существенно отличающихся друг от друга природных зон – степи и тайги, а также перекрещивания традиционных для Евразии торговых путей «восток–запад» и разветвленных речных систем «север–юг». В связи с этим уже в эпоху бронзы здесь формируются условия для межплеменных связей и технологического обмена [36, с. 61], а затем в этих же обстоятельствах складываются почти идеальные условия для образования первых объединений кочевых племен, которые и возникают как политические инструменты для защиты надежного торгового обмена между скотоводами, земледельцами и металлургами древности [34, с. 124–125].

В конце эпохи бронзы уровень хозяйственного и общественного развития народов Западной Сибири достигает уровня, при котором необходимы активные торговые связи с соседями. Так, уже на рубеже I–II тыс. до н. э. археологи фиксируют связи насельников Кулундинской степи с крупными земледельческими центрами Средней Азии [37, с. 153] вплоть до образования чего-то вроде торговых факторий среднеазиатских государств «на территории обширной варварской периферии, по аналогии с греческими торговыми центрами на берегу Черного моря» [38, с. 154]. Так интерпретируются поселения Бурла-3 и Кайгородка-3 на территории нынешнего Барнаульского Приобья. Юг Западной Сибири уже с середины I тыс. до н. э. был включен в торговый обмен в рамках образовавшегося Шелкового пути (его северных ответвлений) и других торговых путей, соединявших восток и запад Евразии [20, с. 32].

Во времена существования тюркских каганатов (VI–VII вв.) группы тюркоязычного населения вторглись на территорию Барабинской лесостепи в погоне за «прекрасными пастбищными угодьями и прекрасными возможностями для охоты» [29, с. 3]. Сосуществование здесь местных жителей и пришлых тюрков наблюдается вплоть до X в., после чего «пришлое население адаптируется к местным условиям, постепенно затухает связь с метрополией и идет автономное развитие культуры» [Там же, с. 165]. Л.М. Плетьева выделяет несколько этапов тюркизации Западной Сибири (на примере Томского Приобья):

- начальный (VI–VIII вв. н. э.), характеризующийся проникновением в регион небольших групп тюркского населения;
- период расцвета сродинской культуры (IX–X вв. н. э.);
- период активной тюркской миграции, вызванной давлением монгольскоязычных объединений (начало II тыс. н. э.).

В целом автор делает вывод, что Томское Приобье «не было местом активного поселения тюркских групп, а являлось районом политического подчинения, где верхушка административной власти была тюркской

(кипчакской). Местное население усвоило тюркский язык, археологически прослеживается смена культур, но она не сопровождалась изменением физического типа местного населения» [31, с. 132]. Таким образом, Западная Сибирь на протяжении длительного периода известной нам социально-политической истории находилась под устойчивым влиянием тюркского мира и его политических традиций.

Генезис государственных традиций Русского государства в контексте его длительного нахождения в составе Золотой Орды – еще одна существенная исследовательская задача. Для целей данной статьи целесообразно разделить ее на две: 1) идеологическое обоснование продвижения русских на восток и присоединение бывших частей единого золотоордынского политического пространства (другими словами, самовосприятие московских правителей как преемников ханской власти Золотой Орды) и 2) фактические принципы устройства государственной власти.

Решение первого вопроса стало актуальным уже во второй половине XV в., когда начавшееся противостояние Москвы с Казанью, Астраханью и другими осколками Золотой Орды вынуждает московских государей искать идеологическое обоснование одновременно и своего отчуждения от ордынского наследия, и древней преемственности собственной власти [26, с. 87]. В этот же период, когда в Орде нарастают центробежные процессы, московский князь Василий Васильевич впервые в официальных текстах именуется царем – ранее русские князья позволяли себе подобное только в домонгольский период [15, с. 88]. До этого в течение двух с половиной столетий «царем» мог именоваться только легитимный сюзерен московского великого князя из Орды [Там же, с. 188]. Только после постепенной ликвидации ордынского сюзеренитета над Москвой во второй половине XV в. русские правители систематически начинают представлять себя на международной арене преемниками монгольских ханов.

В рамках этой идеологии население Западной Сибири (как ранее Казани, Астрахани и других территорий) представлялось «как наследственное владение (улус, вотчина)» Москвы, а претензии к Кучуму вызваны «стремлением вернуть захваченное узурпатором» [39, с. 123]. По мнению Пайпса, то, что московский государь признавал Казанское, Астраханское и Сибирское ханства своими вотчинами, означало, что он считал себя наследником Золотой Орды. Действительно, Москва постепенно консолидирует этнические элиты постзолотоордынского пространства: бывшие правящие круги Казанского, Астраханского и Сибирского ханств становятся дворянскими родами в России. В результате к XVIII в. 156 русских дворянских родов были татарского или иного восточного происхождения [10, с. 13].

Примечательно, что идеология признания московского правителя преемником ханов Золотой Орды, по всей видимости, употреблялась почти

исключительно для «внешнего пользования». Нам не известно, кем на самом деле ощущали себя царь Иван IV и его преемники – потомками императора Августа (как в «Степенной книге») или наследниками Чингисхана, однако для «восточного» пользователя в Приволжье и Зауралье русский царь позиционируется как преемник политической традиции и государственности Золотой Орды (и шире – тюркского мира). Частично эта установка используется и для западного мира. Так, уже в 1586 г. в наказе приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову говорится: «А нечто спросит про Сибирь: каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроена. И Елизарью и Григорью говорить: “Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших”» [23, с. 183]. Внутри страны Иван Васильевич и его преемники такими представлениями не пользовались: «государственная точка зрения на присоединение Сибири в тот период и значительно позже... была расплывчатой и неопределенной» [39, с. 123].

Рассуждение же о фактических принципах устройства государственной власти в Русском государстве и Сибирском ханстве мы предлагаем свести к проблематике их интеграции в конце XVI – первой половине XVII в. Признавая, что «результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково, важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон» [38, с. 96], надо признать, что высокая результативность интеграционных процессов между Москвой и Сибирью основана именно на тюркской государственной традиции.

Действительно, мы видим, что первые шаги московской администрации в Западной Сибири довольно типичны в понятном для обеих сторон тюрко-монгольском политическом контексте. Их магистральные направления таковы: сбор дани руками местных князей, сохранение их статуса в обмен на присягу верности и, наконец, долгое пребывание местных правителей в столице правителя-сюзерена. Так же в свое время вела себя по отношению к Руси монгольская администрация [39, с. 126]. Даже религиозная политика, имеющая тесную связь с государственным строительством, фактически типична: как некогда монгольские ханы не препятствовали деятельности православных иерархов, так и в Западной Сибири в отношениях между московским царем и местными князьями религиозный фактор носил второстепенный характер – на принятии крещения в первые десятилетия русская администрация не настаивала. Массовые крещения местных правителей в Москве происходят только в середине XVII в. [5, с. 125].

Если предположить, что и Сибирское ханство, и Русское государство складывались на идентичных принципах постзолотоордынской (фактически, тюркской) государственности, то становится понятно, почему «ничего

неожиданного Московское царство предложить сибирским аборигенам не могло» [39, с. 126].

Системы государственного управления в Сибирском ханстве и Московском царстве были настолько близки, что, присоединяя обширные территории Зауралья, московские цари просто «перевели» на себя ясак, уплачиваемый ранее сибирским ханам [6, с. 51]. Мы видим здесь описанную выше тюркскую политическую традицию: имперское конструирование на базе уже сложившихся (имеющихся) «низовых» политических институтов, смена верховной власти при стабильности власти региональных элит Сибирского ханства. Ситуация не уникальна: за полвека до присоединения Западной Сибири ровно такой же стратегии Москва придерживалась и в Казанском ханстве. Московский государь объявил себя преемником казанских ханов, о чем подданных извещали специальные грамоты [Там же].

Формально сохранив Сибирское ханство вплоть до Петровских реформ государственного управления [Там же, с. 175], московское правительство тем не менее постепенно лишает аборигенных правителей реальной власти вне зависимости от их лояльности. Эту часть политического генезиса также следует считать своеобразной традицией тюрко-монгольского мира. Так же вели себя монгольские правители, или те же русские после завоевания Калмыкии или приволжских татарских государств: у правителей отбиралась реальная власть над людьми и оставалась формальная – над территорией [19, с. 265]. Отчетливо это проявляется в Кодском княжестве. После перехода княжества под власть русской администрации в течение полувека здесь подчеркнуто по праву родства правит местная княжеская династия [5, с. 116]. Однако затем в грамотах московского царя всё чаще встречаются упоминания о том, что-де кодский князь получает свои «вотчины» за службу и «кровь» от государя московского на правах условного владения [Там же, с. 125]. В результате уже к XVIII в., т. е. всего за 100 лет нахождения в составе Московского государства, «древние местные княжеские династии фактически прерываются» [Там же, с. 150], а «князь» в Западной Сибири становится уже не государственным аборигенным титулом, а должностью [21, с. 85].

Таким образом, начиная с Тюркских каганатов, Западная Сибирь включена в систему политических и экономических связей на евразийском континенте, что во многом определяет не только характер политического развития аборигенов, но и особенности их внешних связей. Формируемая на континенте социально-политическая традиция, свойственная тюркским, затем монгольскому и постзолотоордынским государствам, стала определяющей и для Западной Сибири. Это прежде всего понимание политической власти как власти не над территорией, а над населением и локальными правителями, а также повышенное значение «низовых» социально-политических институтов, сохраняющихся, несмотря на частые смены вер-

ховной власти. Сложное, длящееся на протяжении многих веков взаимодействие между Московским государством и Сибирским ханством, а также народами, их населяющими, приводит сначала к конфронтации Москвы и Сибири, а затем к присоединению последней. Успешная интеграция Сибирского ханства в русское государство обеспечивалась схожестью политических традиций и особенностей их государственного устройства. Русские не предложили аборигенам Западной Сибири фактически никакого нового цивилизационного проекта, ограничившись как фактическим, так и идеологическим оформлением преемственности власти московских царей по отношению к сибирским ханам.

Литература

1. Алишев С.Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения в XIII–XVI вв. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. – 162 с.
2. Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). – СПб.: Мажор, 2005. – 320 с.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – 180 с.
4. Бартольд В.В. Сочинения. В 8 т. Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М.: Восточная литература, 1963. – 763 с.
5. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды: в 4 т. – М.: Наука, 1955. – Т. 3, ч. 2. – С. 86–152.
6. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды: в 4 т. – М.: Наука, 1955. – Т. 3, ч. 2. – С. 49–85.
7. Болышинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. – 151 с.
8. Васютин С.А. Традиционные и инновационные механизмы управления в кочевых обществах Центральной Азии VI–XIII вв. Ч. 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3 (1). – С. 20–25.
9. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. – М.: Аграф, 1999. – 448 с.
10. Вернадский Г.В. Московское царство. – М.: Аграф, 1997. – 350 с.
11. Викторова А.А. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Наука, 1968. – Кн. 1. – С. 546–575.
12. Восточнотюркский каганат и Кыргызы. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 188 с.
13. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 1. Конкурирующие проекты самоорганизации VII–XVII вв. / И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер, С.В. Глебов, А. Семенов. – Казань: Ab Imperio, 2017. – 362 с.
14. Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем Средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С. 85–98.
15. Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2000. – 214 с.

16. Гумилев А.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и Ко», 1993. – 504 с.
17. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1979. – 311 с.
18. Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе / отв. ред. Ю.Г. Чернышов. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2012. – 242 с.
19. Златкин П.Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1983. – 335 с.
20. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. (межгосударственные отношения). – М.: Наука, 1991. – 168 с.
21. Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX века. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2011. – 188 с.
22. История народов Узбекистана. В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века / под ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захиодова. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. – 474 с.
23. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства: очерки. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.
24. Кодес А.В. Историко-правовые основы формирования и развития государственности в Волго-Камской Булгарии в VII–XIII вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008. – 22 с.
25. Кульпин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. – М.: Московский лицей, 1998. – 240 с.
26. Лушников О.В. Влияние ордынского фактора на становление Московского государства: историографический аспект // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2010. – № 2. – С. 84–91.
27. Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – Изд. 2-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.
28. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. // Вопросы истории. – 2017. – № 1. – С. 57–72.
29. Молодин В.П. Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
30. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
31. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э.: (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 351 с.
32. Татауров С.Ф. К вопросу о формировании Сибирских татар // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции, Курган, 17–18 апреля 2014 г. / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 74–78.
33. Уддыжеков С.А. Государственная власть и обычное право хакасов // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сиби-

ри XVI–XXI вв.: материалы VI Всероссийской научной конференции. – Новосибирск: НГУЭУ, 2006. – С. 285–290.

34. *Урай-Кёхальми К. К* вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.) // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 128–129.

35. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 181 с.

36. *Чернецов В.Н.* Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья. – М., 1953. – С. 221–241.

37. *Шамишин А.Б.* Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. – С. 149–155.

38. *Шерстова Л.И.* Евразийский контекст аборигенной политики Московского царства в Сибири в XVII в. // Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации Центральной Азии: сборник научных трудов. – Алматы, 2015. – С. 96–108.

39. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск, 2005. – 311 с.

40. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 505 с.

Статья поступила в редакцию 04.05.2018 г.

Статья прошла рецензирование 13.06.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159

**TURKIC POLITICAL TRADITIONS
IN THE SYSTEM OF POWER ORGANIZATION
IN THE RUSSIAN STATE AND SIBERIAN
KHANATE AS THE FACTOR
OF THEIR SUCCESSFUL INTEGRATION
IN THE XVI–XVII CENTURIES**

Chernyshov Sergey,

Cand. of Sc. (History),

Researcher of the Archeography and Source Study Sector,

Institute of History SB RAS,

8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Head of the Additional Education Department,

Novosibirsk State University of Economics and Management

56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3885-7125

1502911@mail.ru

Abstract

The research is devoted to the identification of patrimonial properties of the highest political power and its interaction with regional elites in the Turkic world in the context of continuity with the political tradition of the Golden Horde and its fragments - the Siberian Khanate and the Russian state. The methodology of the study is based on the civilizational approach, which assumes the multi-variance of socio-economic and political development of peoples with different statehood and territories, as well as the biosphere concept of culture that is close to it. The methodological bases of the research are the following theories: V. Vernadsky's theory of biosphere and noosphere, N. Ya. Danilevsky's theory of cultural-historical types, the concept of civilizations (society) as a system of interaction of individuals and institutions, P. Sorokin's concept of economic and cultural types. To determine the concepts of "state" and "statehood" in the study, the theory of "early state" by Henry J. M. Klassen is used. An important methodological position is the continuity of the state institutions of the post-Golden Horde space of the Mongolian empire, and, accordingly, of the Turkic statehood, originating in the works of J. de Guignes mid-XVIII century and developed in later studies.

As a result of the research, several characteristic features of the socio-political organization of the Turkic statehood were revealed. The first is "order for trade", that is, the situation in which statehood is formed around the economic idea, in relation to the Turkic khaganate - around the idea of ensuring the stable functioning of the trade route from East to West. The second is "the political ahead of the ethnic". In the Turkic world, ethnic groups are formed after the formation of political associations. "Turk", "Mongol", "Russian" – for a long

time were not ethnic concepts, taking such a meaningful load for a long time. The third is statehood as power not over territory, but over people “It dominates people over people, but lives on earth” – one of the main messages of political self-consciousness of the Turkic world. This statement of the problem of power removes a number of traditional “problematic issues” of describing the Turkic states – from the question of borders to the problem of the applicability of the formation theory and the concept of “feudalism” towards them. From this follows the fourth feature of the Turkic statehood: the maximum remoteness of the central government from the “land”, the authority of the supreme ruler as power not over the state “as a whole,” but over regional elites. On the one hand, this creates a well-known halo of the sacredness of the supreme authority, on the other – it makes it extremely unstable, obliging for constant search for compromises with local rulers.

Against this background, a special role is played by “grassroots” social structures that are distinguished by stability against the backdrop of changing supreme rulers. The latter circumstance, in particular, determined the relative simplicity of integration of the Siberian Khanate to the Russian state: the new government simply “transferred” the self-administered units (volosts) of the aboriginal political association. The Russians did not offer the West Siberian aborigines anything fundamentally new: since the statehood in the Moscow kingdom and the Siberian Khanate was based on the same principles, the new government was not actually engaged in building political institutions here, using the already existing system of relations.

Keywords: statehood, regional elites, annexation of Siberia, the Siberian Khanate, the Turks.

Bibliographic description for citation:

Chernyshov S. Turkic political traditions in the system of power organization in the Russian state and Siberian Khanate as the factor of their successful integration in the XVI–XVII centuries. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 139–159. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159.

References

1. Alishev S.Kh. *Bolgaro-kazanskie i zolotoordynskie otnosheniya v XIII–XVI vv.* [Bulgarian-Kazan and Golden Horde relations in the XIII–XVI centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009. 162 p.
2. Artykbaev Zh.O. *Kochevniki Evrazii (v kaleidospoke vekov i tysyacheletii)* [Nomads of Eurasia (in a kaleidoscope of centuries and millennia)]. St. Petersburg, Mazhor Publ., 2005. 320 p.
3. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The state of nomadic Uzbeks]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 180 p.
4. Bartol'd V.V. *Sochineniya*. V 8 t. T. 1. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Works. In 8 vol. Vol. 1. Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1963. 763 p.
5. Bakhrushin S.V. *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vv.* [Ostyak and vogul principalities in the XVI–XVII centuries]. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy*.

V 4 t. T. 3, ch. 2 [Scientific works. In 4 vol. Vol. 3, pt. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1955, pp. 86–152.

6. Bakhrushin S.V. Yasak v Sibiri [Yasak in Siberia]. Bakhrushin S.V. *Nauchnye trudy*. V 4 t. T. 3, ch. 2 [Scientific works. In 4 vol. Vol. 3, pt. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1955, pp. 49–85.

7. Boyarshinova Z.Ya. *Naselenie Zapadnoi Sibiri do nachala russkoi kolonizatsii* [The population of Western Siberia before the beginning of Russian colonization]. Tomsk, TSU Publ., 1960. 151 p.

8. Vasyutin S.A. Traditsionnye i innovatsionnye mekhanizmy upravleniya v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii VI–XIII vv. Ch. 2 [Traditional and innovative management mechanisms in nomadic societies of Central Asia of the VI–XIII centuries. Pt. 2]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 3 (1), pp. 20–25.

9. Vernadskii G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Moscow, Agraf Publ., 1999. 448 p.

10. Vernadskii G.V. *Moskovskoe tsarstvo* [The Moscow kingdom]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 350 p.

11. Viktorova L.L. Stanovlenie klassovogo obshchestva u drevnemongol'skikh kochevnikov [Formation of class society among the ancient Mongolian nomads]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. Kn. 1 [Problems of the history of pre-capitalist societies. Bk. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 546–575.

12. *Vostochnotyurkskii kaganat i Kyrgyzy* [East Turkic khaganate and Kyrgyz]. Moscow, AN SSSR Publ., 1946. 188 p.

13. Gerasimov I.V., Mogil'ner M.B., Glebov S.V., Semenov A. *Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii*. Ch. 1. *Konkuriruyushchie proekty samoorganizatsii VII–XVII vv.* [New imperial history of Northern Eurasia. Pt. 1. Competing projects of self-organization of the VII–XVII centuries]. Kazan, Ab Imperio Publ., 2017. 362 p.

14. Gorbunov V.V. Voennoe iskusstvo altaiskikh tyurok v rannem Srednevekov'e // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noi Azii [Military art of the Altai Turks in the early Middle Ages]. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Arms and military science of nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2007, pp. 85–98.

15. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p.

16. Gumilev L.N. *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow, Tovarishchestvo “Klyshnikov-Komarov i Ko” Publ., 1993. 504 p.

17. Gurevich B.P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii v XVII – pervoi polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the XVII – first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 311 p.

18. Zalkind E.M. *Ocherk genezisa feodalizma v kochevom obshchestve* [Essay on the genesis of feudalism in nomadic society]. Barnaul, Altaiskii universitet Publ., 2012. 242 p.

19. Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva, 1635–1758* [The history of the Dzungarian Khanate, 1635–1758]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1983. 335 p.

20. Zotov O.V. *Kitai i Vostochnyi Turkestan v XV–XVIII vv. (mezhdgosudarstvennye otnosheniya)* [China and East Turkestan in the XV–XVIII centuries (interstate relations)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 168 p.
21. Zuev A.S. *Rossiiskoe gosudarstvo i narody Sibiri: kharakter i etapy vzaimootnoshenii vo vtoroi polovine XVI – nachale XX veka* [The Russian state and the peoples of Siberia: the nature and stages of the relationship in the second half of the 16th – early 20th century]. Novosibirsk, NSU Publ., 2011. 188 p.
22. Tolstov S.P., Zakhiodov V.Yu., eds. *Istoriya narodov Uzbekistana. V 2 t. T. 1. S drevneishikh vremen do nachala XVI veka* [History of the people of Uzbekistan. In 2 vol. Vol. 1. From ancient times to the beginning of the XVI century]. Tashkent, AN UzSSR Publ., 1950. 474 p.
23. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva: ocherki* [Introduction to the history of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2006. 196 p.
24. Kodes A.V. *Istoriko-pravovye osnovy formirovaniya i razvitiya gosudarstvennosti v Volga-Kamskoi Bulgarii v VII–XIII vv. (istoriko-pravovoi aspekt)*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Historical and legal basis for the formation and development of statehood in the Volga-Kama Bulgaria in the VII–XIII centuries (historical and legal aspect). Author's abstract of PhD in Law diss.]. St. Petersburg, 2008. 22 p.
25. Kul'pin E.S. *Zolotaya Orda: problemy genezisa Rossiiskogo gosudarstva* [The Golden Horde: problems of the genesis of the Russian state]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 1998. 240 p.
26. Lushnikov O.V. Vliyanie ordynskogo faktora na stanovlenie Moskovskogo gosudarstva: istoriograficheskii aspekt [Influence of the Horde factor on the formation of the Moscow state: historiographical aspect]. *Srednevekove tyurko-tatarskie gosudarstva – Medieval Turkic-Tatar States*, 2010, no. 2, pp. 84–91.
27. Markov G.E. *Kochevniki Azii: struktura khozyaistva i obschestvennoi organizatsii* [Nomads of Asia: structure of the economy and public organization]. 2nd ed. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 320 p.
28. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. *Tyurkskie yasachnye volosti v Priiset'e v pervoi polovine XVII v.* [Turkic yasakvolosts in Priset'e in the first half of the 17th century]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2017, no. 1, pp. 57–72.
29. Molodin V.I. *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba during the Turkic period]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 176 p.
30. Novosel'tsev A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza* [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 264 p.
31. Pletneva L.M. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e.: (po arkhologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob River in the beginning of the 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk, Tomskii universitet Publ., 1997. 351 p.
32. Tataurov S.F. [On the formation of the Siberian Tatars]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar

states of Western Siberia: materials II All-Russian Scientific Conference], Kurgan, April 17–18, 2014, pp. 74–78. (In Russian).

33. Ugdyzhkov S.A. [State power and customary law of the Khakass]. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri XVI–XXI vv.*: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Problems of the history of state administration and local self-government of Siberia XVI–XXI centuries: materials VI All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, NSUEM Publ., 2006, pp. 285–290. (In Russian).

34. Urai-Kekhal'mi K. K voprosu ob obrazovanii kochevykh gosudarstv (na materialakh daurskoi plemennoi konfederatsii XVII v.) [On the issue of the formation of nomadic states (on the materials of the Dahurian tribal confederation of the XVII century)]. *Uralo-altaistika: Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk* [Uralo-altaistika. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk, 1985, pp. 128–129.

35. Fedorov-Davydov G.A. *Obshestvennyi stroi Zolotoi Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow, MSU Publ., 1973. 181 p.

36. Chernetsov V.N. Ust'-poluiskoe vremya v Priob'e [Ust-Polui time in the Ob River]. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient history of the Lower Ob region]. Moscow, 1953, pp. 221–241.

37. Shamshin A.B. Nekotorye problemy izucheniya pamyatnikov epokhi pozdnei bronzy v lesostepnom i stepnom Ob'-Irtyshskom mezhdurech'e [Some problems of studying the monuments of the Late Bronze Age in the forest-steppe and steppe Ob-Irtysh interfluvium]. *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul, Altaiskii universitet Publ., 2005, pp. 149–155.

38. Sherstova L.I. Evraziiskii kontekst aborigennoi politiki Moskovskogo tsarstva v Sibiri v XVII v. [The Eurasian context of the aboriginal policy of the Moscow kingdom in Siberia in the XVII century]. *Vzaimodeistvie prirody i obschestva v kochevoi tsivilizatsii Tsentral'noi Azii* [The interaction of nature and society in the nomadic civilization of Central Asia]. Almaty, 2015, pp. 96–108.

39. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Türks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamics of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk, 2005. 311 p.

40. Yurchenko A.G. *Elita Mongol'skoi imperii: vremya prazdnikov, vremya kaznei* [The elite of the Mongolian Empire. Time of holidays, time of executions]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 505 p.

The article was received on 04.05.2018.

The article was reviewed on 13.06.2018.